

Якушин. Мозаика

На встречу я опоздал. И сразу оказался внутри динамовского квадрата. Естественно, без мяча, то есть без первого журналистского вопроса, обозначаемого по традиции в конце материала — беседу вел такой-то...

Какое там вел! Эдуард Николаевич Мудрик, Владимир Петрович Кесарев, Валерий Иванович Короленков и солидно молчащий Валерий Борисович Зыков вмиг заставили меня не только вращать глазами, но и крутить головой в безнадежных попытках прервать передачу, точненько адресуемую партнеру.

Передачи, то есть упреки, заслуженных мастеров выглядели следующим образом.

Мудрик, сидящий слева, во главе стола:

— Что же ты опаздываешь? А? Вот Якушин никогда не опаздывал. И другим не позволял. Помнишь, Петрович?

Короленков, сидящий прямо напротив:

— Как ему не помнить? Петрович, расскажи, как ты на игру на трехтонке подъезжал. В автобус не садился, думал, что у тебя часы точнее якушинских. Автобус без него и уехал!

Кесарев, сидящий от меня наискосок:

— Да... А бакинцы? Ну, мы их так называли — бакинцами, Алика Мамедова и Борю Кузнецова, они же из Баку к нам пришли, такие поначалу вальяжные, неторопливые... «Э-э, слушай, куда там спешить, успеем, нэ уедут без нас, да?..» Тоже пару раз на электричке догоняли.

Мудрик:

— Да что далеко ходить? Вчера на своем юбилее как Якушин сказал? Время — два часа, все собрались, расселись. А Коли Толстых и Воробьева все нет. Как быть, спрашиваем, Михаил Иосифович?

А Якушин: «Так ведь время! Начинай!»

Зыков, сидящий справа, молчал. Типа — нехорошо, брат, сам видишь, как нехорошо, так нехорошо, что и сказать, тебе, непутевому, нечего...

БЕЛЫЙ ДОМ

— Эдуард Николаевич, по телефону вы сказали мне, что знаете Якушина с пяти лет...

— Если точнее, с 1945 года. Мы тогда жили в Мытищах, поселок Строитель был такой, по соседству с динамовским стрельбищем. Жили в двухэтажном беленьком домике. Его так и называли все — Белый дом. А рядом, метрах в семидесяти, стоял деревянный дом, где и жили тогда футболисты «Динамо». Ну, вроде базы это было. Они собирались там перед игрой или на сбор, поле-то тут же было.

Кесарев:

— Поле было отличное!

Мудрик:

— Да, поле было хорошее. Траву для него Якушин из Англии привез. Он всегда говорил, что привез из Англии номера на футболки, раньше-то у нас без номеров играли, но вот и траву тоже. Так вот... Время-то какое было... голодное, послевоенное, безотцовщина, шпана. А погреб, где для спортсменов питание хранилось, без замка стоял. Чего в нем только не было! А ведь никто из ребятишек, голодных-преголодных, и не подумал залезть, стянуть что-нибудь.

Кесарев:

— А еще там бык был. Племенной. Как же звали его?..

Короленков:

— Борька!

Кесарев:

— Точно, Борька! Бывало, к нему телок водили для этого самого... для улучшения породы. А футболисты из окон увидят и давай кричать: «Борька, к тебе телку ведут! Борька, не подкачай!»

Мудрик:

— Да погодите вы! Якушин мне с детства каким запомнился? Высокий, строгий такой, нос горбатый. Нависнет так над тобой — страшновато. Но строгость его, как бы сказать, немного показная была. Идет после тренировки, завидит нас и скажет: «А ну, становись взапуски? Первому — шоколадка, второму — булка, третьему — конфета!» Вот так, не обижая нашего человеческого достоинства, он нас и угощал. Всех. А мы-то сопливые мальчишки...

Еще к ним на базу часто кино привозили...

Кесарев:

— Фильмы по репарациям: «Тарзан», «Знак Зорро», «Девушка моей мечты».

Мудрик:

— Мы соберемся у крыльца толпой, просимся. А Якушин хмуро так на нас посмотрит, помолчит...

Короленков:

— Да, Якушин умеет паузу выдержать!

Мудрик:

— Мы уже дрожим: сейчас прогонит! А он: «Ну, живо, под столы!» И мы летим в комнату, на пол, под столы, стулья. Радость, представляешь, какая! А как Синявского слушали! Все наши двенадцать комнаток в одной в кучу собирались — радио-то одно! А тут — вот они — герои Англии, рядом. А что главный герой Якушин, это всем ясно было. Все его так и звали промеж себя — Хитрый Михей.

Кесарев:

— А поле там отличное было. Немцы делали. Да.

ХИТРЫЙ МИХЕЙ

Кесарев:

— Но я что сказать хочу? Может, это пригодится для статьи? Я не помню случая (а я знаю Якушина с 1951 года), чтобы он не вышел с командой на тренировку. В любую погоду: дождь там, снег, грязь — все равно. И чтоб он когда-нибудь болел. На жеребьевку со

сборов сам никогда не уедет, всегда — начальник команды. Все сборы — от начала до конца — он проводит, понимаешь?! И расписано все на 30—40 дней вперед. Вывешено на стенды. В Леселидзе там или в Гаграх — все одно. А тренировались как? В день ведь по три раза мылись!

Короленков:

— Хитрый Михей — это очень про него. Вот когда он в Ташкенте работал, так знаешь, во сколько игру назначал? В три часа. Самое пекло. А еще автобус для гостей подгонит к гостинице, ну, чтобы на игру ехать. А автобус этот вымыт изнутри только что. Представляешь, да? Испарение-то какое! Мелочь? Совсем не мелочь. Пока до стадиона доедешь, уже пропотел, сердечко застучало чаще обычного...

Кесарев:

— А поле поливать заставлял. За два часа перед матчем.

Мудрик:

— А когда Михей в Тбилиси работал?!

Кесарев:

— Команда гостей у вокзала останавливалась. А там как раз трамвайные пути, стрелки разные. Так, говорили, он в эти дни запрещал рельсы маслом смазывать. Ты спишь в гостинице, а рядом трамваи грохочут. Без масла! Масленки-то все у Якушина, понимаешь?

Мудрик:

— А на тренировках? Разве спрячешься от него? Утаишь чего? Да ни в жизнь! Мы бежим по кругу, а он смотрит. Внимательно. И вроде принохивается, когда ты мимо него бежишь. И сейчас же:

— Дим, а ты что, вчера котлеты с чесноком ел?

Шаповалов остановится, удивится:

— Да нет, ничего подобного, Михаил Иосифович!

А Якушину большего и не надо, перегарчик-то пошел!

— Давай, Дим, отойдем в сторону, потренируемся.

И начнет! То длинный пас, то короткий, то длинный пас, то короткий!

А потом еще скажет:

— Ты бы, Дим, пошел, свитерок шерстяной надел бы. А то все же холодновато...

И опять — то длинный, то короткий. А если Шаповалов неточно мяч отдаст, то Якушин и скажет:

— Дим, что-то я не понимаю, кто кого тренирует? Ты же у нас вроде техничный футболист, а?

Короленков:

— Точно! Якушин по этому поводу никаких собраний не проводил. Всегда сам разбирался. «Ты проиграешь не десять лет, а пять, но свой уровень у меня покажешь!» Вот как он говорил.

Мудрик:

— А еще любил повторять: «Ты мне документ покажи, что имеешь право в основном составе играть. Документик покажи». В этом смысле у него все равные были, кто лучший — тот играет. Мне запомнилось еще, что Якушин, как никакой другой тренер, обращал внимание на игру головой...

Кесарев:

— Точно. Бежим кросс, и вдруг команда: «Веточку головой достань!» И достаешь веточку.

Мудрик:

— Выдумок у него хватало. Помните вешалки с теннисными мячами? То они выше — эти мячи, то пониже опустятся, а били по ним часами!

Кесарев:

— На лбу чуть не рога выросли.

Мудрик:

— Я после такой тренировки домой еду. В электричке. А рядом бабушки сидят. Сумки свои на крючки повесили и сидят. Одна кошелка аккуратно надо мной болтается. И рвется вдруг! А там банка с баклажанной икрой. Об мой лоб, об пол и вдребезги! А бабушки поохали-поохали, но видят, я спокойно сижу, и говорят мне: «Ну, ничего, сыночек, хорошо хоть по голове не попало!» А я про себя ду-

маю: «Да что там мне эта ваша банка после якушинских тренировок!»

Короленков:

— А установки на матч у него всегда предельно точные были. Как ни у кого другого. А есть с кем сравнить, уж поверь! Никаких там «За нами Москва, отступать некуда!» или «Деньги висят на штанге. Идите и возьмите!». Ничего подобного у Якушина не было.

Мудрик:

— Его установки — это такая своеобразная мозаика. Никаких общих слов, никакого общего замысла, плана на матч я ни разу не слышал. Строго по человеку. Как кому и против кого играть. Детально так, четко. А стратегию — этим он не делился, при себе держал. Сам об этом сказал замечательно: «Я вас обманывал, но... в вашу пользу!» Лучше не скажешь.

Кесарев:

— Я такую историю помню, может, ее и не надо в газету... Пошли мы раз на почту конвертов купить. Это в Леселидзе было, на сборе. А там, какходишь, две двери. Одна на почту, другая в ресторан. Идем, смотрим — велосипед якушинский стоит. Поднимаемся и с Якушиным сталкиваемся.

— А-а, конверты купить, хорошо, очень хорошо. Правильно сделали. Вы вот что! Поглядите-ка за велосипедом, а то ребяташки разные крутятся, мало ли... А я тоже... сейчас, газетку куплю. Хорошо?

Ну, мы стоим у велосипеда, кумекаем. Хитрый Михей...

Короленков:

— А какой ресторан был на «Динамо», на Южной! «Яр» закрыли, вся обслуга сюда перебралась. Люстры в полметра, посуда, приборы серебряные!.. Э-эх! Кухня! Команда питалась там. И в нем татарин работал, не припомню уж, как звали его. Вот Михей зайдет в ресторан, руку у стойки в карман опустит, вроде бы за деньгами полез, и как бы невзначай спросит: «А из команды кто-нибудь был у тебя?» Татарин взгляда от руки, от кармана оторвать не может! И говорит торопливо: «Была, да, Численка была, Короленка была,

Федосова была». — «Короленков, Федосов и Численко, говоришь? И все?» — усмехнется Якушин и на выход, так ничего и не взяв.

Мудрик:

— А помните, курировал нас генерал Переверткин?

Кесарев:

— Не просто генерал, а генерал-лейтенант. Или майор.

Мудрик:

— Да-да, кажется, генерал-лейтенант. Берлин брал и все такое. И вот ему некоторые футболисты на Якушина пожаловались. Мол, не советуется ни с кем, а мы люди тоже опытные...

Собрание перед игрой. Якушин хитро так смотрит на нас и говорит:

— А вот я хочу посоветоваться с вами. Кого ставить впереди будем — Коршунова или Мамедова?

— Мамедова, — шумят игроки.

— Мамедова, да? — задумывается Якушин. — Федосов, а кто лучше головой играет — Мамедов или Коршунов?

— Головой? — удивляется Федосов. — Если головой, то лучше — Коршунов.

— Вот он и будет играть, — удовлетворенно заключает Якушин.

Он посоветовался.

Кесарев:

— А накануне игры адъютант приезжал. И каждому игроку в тумбочку конверт подкладывал. Запечатанный. И смотреть нельзя было, и обсуждать — кому сколько. Но это, наверное, тоже не для газеты...

— Почему, Владимир Петрович?

Короленков:

— Действительно, почему? Тем более, если проигрывали, то никаких конвертов в тумбочке не оказывалось. Адъютант шустрый был.

Мудрик:

— Все говорят, все знают: Михай — строгий тренер. Но важно и другое отметить. Он требовал то, что нужно. Никакого чванства,

фанфаронства, нарочитого оскорбления ради оскорбления он себе не позволял. Все эти его подначки думать заставляли. Думать о себе. Удивляться, как же хорошо он нас знает. Я еще и сам этого про себя не знаю, а Якушин — знает.

Короленков:

— Бывало, выйдешь от него и думаешь: какое же я говно. Но он-то так не сказал. Не унизил. Хотя вроде было, за что... И другой на его месте так бы и сделал. Но это — другой. Не Якушин.

СВОЙ МАНЕВР

Кесарев:

— Да... Уж что-что, а при нем каждый динамовец знал свой маневр.

Мудрик:

— И ведь что поразительно: Якушин ни для кого поблажки не делал. Помню, в 57-м, в Леселидзе, на сборах, играем. Дождь, грязь, мяч, понятное дело, тяжеленный, неприятный такой. И летит в штрафную, прямо мне на голову. Я почему-то в центре поставлен был. Совсем еще молодой... И вот, чтобы не отбивать этот тяжелый мяч лбом, решаю аккуратно его назад, Яшину, подрезать. А Лев Иванович из ворот вышел... Гол! Ну, естественно, старшие товарищи обложили меня как следует.

На следующий день Якушин проводит разбор игры.

— Да-а, Мудрила, красивый гол ты в свои ворота забил... Лев, а ты кричал ему?

— Чего, Михаил Иосифович? — спрашивает Яшин.

— Я говорю, ты кричал ему, Лев? Кричал, что выходишь?

— Ну, я... это...

— Нет, ты скажи, кричал или не кричал?

— Не кричал, Михаил Иосифович, — признается Яшин.

— Так вот, оказывается, почему гол получился, — вздыхает Якушин.

Теперь, смотри, кто такой в 57-м году Яшин и кто такой никому не известный Мудрик.

Короленков:

— А с Чиненовым случай, в поезде?

Мудрик:

— Нам как раз костюмы шерстяные выдали, на спине надпись: «Динамо. Москва». Ну, едем куда-то, а Олег Чиненов (он к нам совсем недавно пришел) заспорил с проводницей. Басит что-то на полвагона — то ли она ему сахар не принесла, то ли кипятку недолила. Якушин из своего купе высовывается:

— Олег, Олег, иди-ка сюда. Иди, иди, иди.

— Что, Михаил Иосифович?

— Олег, тут у тебя на спине «Динамо. Москва» написано, понимаешь?

— Ну.

— Да не ну, а «Динамо. Москва». Ты еще для этой команды ничего такого не сделал, а славу ее уже унижить норовишь. Что о нас думать будет? Что все «Динамо» вот такое скандальное?

— Да я, Михаил Иосифович... Да она...

— Ты вот что, Олег! Ты иди к себе, отдышись, успокойся. И подумай, что там у тебя на спине написано, хорошо?

— Хорошо, Михаил Иосифович.

— Вот и ладно. А с проводницей мы договоримся, не беспокойся. Без чая тебя не оставят.

Короленков:

— А помните, как Малявкин центральную линию переступил? Якушин сказал ему: «Твоя задача центральную линию не переступать. Твоя задача — съесть игрока, не дать ему развернуться у наших ворот». И раз, в матче такой эпизод! Малявкин свободен, бежит подключаться. Центр поля! Он ногу занес и — как вкопанный! И головой на скамейку ведет. Показывает, что, мол, вспомнил! И обратно ногу-то, обратно. И на поле, на линию смотрит. С паузой так. Якушин не велел, и я ни шагу. Тот еще артист был, Малявкин...

...Если вы заметили, мяч в этом динамовском квадрате приходил ко мне не так уж и часто, редко, прямо сказать. Я задал всего лишь два вопроса, но лишним себя не чувствовал. И, поверьте, не удивился бы, появившись вдруг Якушин с его резонным для всех времен и народов: «Над техничкой, над техничкой поработай!»

В самом деле — пора!



Якушин Михаил Иосифович родился 2.11.1910 в Москве. Правый полусредний нападающий, тренер. Выступал за «Динамо» (Москва). Трехкратный чемпион СССР. Наставник «Динамо» в триумфальной поездке в Англию в 1945 году. Тренировал «Динамо» М (шесть золотых медалей), «Динамо» Тб, «Пахтакор» (Ташкент), «Локомотив» М, сборную СССР. Выдающийся тренер и организатор отечественного футбола. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и орденом Дружбы народов. Автор книги «Вечная тайна футбола».

Победитель

Сидел он в ночном мадридском аэропорту в полном одиночестве. Никто его не тормозил, не расспрашивал. Он сидел и крутил сигару, вроде даже подносил ко рту... Бесков? Сигару?!

Я не то чтобы подошел, я лишь замедлил шаги, а он поглядел на меня и сказал, как себе:

— Вот, подарили... А я не курю... Лев Иванович, тот да, любил покурить...

Я глупо выдавил:

— Яшин?

И Бесков согласился:

— Яшин...

И отвернулся в свое личное далекое прошлое и сигару — большую, толстую, коричневую — аккуратно положил рядом на желтое пластиковое сиденье.

Я понял, что надо идти, надо оставить его в одиночестве... После страшного поражения от «Реала», где не только шансов, а и намеков на игру у «Динамо» не было, все мы ощущали себя лишними. Чужими. Мы словно стыдились друг друга в пустом и гулком аэропорту.

Мне хотелось утешить его, да я не знал как.

...Посадку объявили, как никогда, вовремя.

* * *

На днях в книжном магазине, на Мясницкой, снял с полки не книгу, а целый фолиант о нем, килограмма три весом... Как называется? То ли «Патриарх», то ли «Учитель»... А может, «Мэтр»? Шикарное подарочное издание необъятных размеров... С некоторым усилием поставил кирпич на место. Вспомнил, как я купил и про-

читал с восторгом мягкую небольшую книжечку Александра Нилина «Невозможный Бесков». Кажется, за рубль купил, на подмосковной станции, в палатке «Союзпечати». Бесков там был живым, полным идей, сомнений, противоречий, чувств. Как я завидовал автору! Самого Бескова знает, не просто знает, а вхож в дом...

Это потом уже, много лет спустя, я узнал, что книжка Бескову не слишком-то и понравилась. И сам Константин Иванович бурчал что-то скептическое, да и Александр Павлович Нилин подтверждал не без юмора: «Не угодил, да...»

Запомнился и филатовский очерк с красноречивым заголовком — «Дружба без встреч». Эти вещи подготовили меня к встрече с ним, правильно подготовили.

* * *

В нашей семье его уважали безоговорочно. Якушин, Бесков, Яшин — эти имена не стоило пояснять. Тут не было вопросов. Мастера — такая была оценка. Когда я начал ходить на футбол, совсем маленьким, с мамой, — его «Динамо» выигрывало обязательно. Я шел на футбол, но в победе не сомневался. Выиграют динамовцы, у которых в воротах огромный Яшин, а тренером — Бесков. Когда они уступили при мне ростовчанам, кажется 0:1, после нелепого рикошета на первых минутах, я долго не мог поверить в случившееся. Как? Разве Бесков, Яшин, «Динамо» проигрывают? Не может быть!

Многие матчи стерлись из памяти, с возрастом это, оказывается, происходит легко, а тот холодный вечер запомнился. Впервые я расстроился из-за футбола. Из-за явной несправедливости. Как же так? «Динамо» — и проиграло... Я даже ужинать не хотел с горя.

* * *

На выезды он всегда брал с собой доску — макет футбольного поля. Ее таскал резервный вратарь, и было ясно, он на поле не выйдет. У кого доска, тот и не выйдет. Как-то я набрался смелости

и спросил Константина Ивановича о доске, старой уже, заслуженной: что, мол, нельзя ли без нее? Константин Иванович не обиделся. Сказал, что нельзя, как же без доски-то? И тут же перевел разговор... на зайцев. Зайцы бегали у гостиницы в центре бельгийского города с полным олимпийским спокойствием. Большие такие, ушастые... Бесков сказал:

— Хорошо им тут, а? Никто не тревожит. Видишь, сидит?

И показал пальцем в темноту окна. Прямо под фонарем сидел задумчивый русак. У меня были заготовлены какие-то вопросы к нему — о составе, тактике, плане, — обычная лабуда, почему-то волнующая редакторов и болельщиков, но после заячьей темы говорить о чем-то постороннем уже не хотелось.

Бесков оценил это, он хитро улыбнулся то ли мне, то ли зайцу и не спеша зашагал к лифту. Мы с зайцем остались одни.

* * *

Теперь частенько вспоминают о его редком даре предвидения. Ведь это он стал автором самой знаменитой в нашем футболе связки Иванов — Стрельцов, это он легко переводил нападающего в защитники, это он увидел в Ярцеве бомбардира под чудесный гавриловский пас... Об этом много написано, в том числе и в его книгах. Мне же вспоминается другая история.

Шествуя вокруг стадиона, Константин Иванович внезапно остановился. Повелительно и вопрошающе ткнул пальцем в молодого человека, моющего машину под палящими лучами солнца:

— Кто такой? Как фамилия? Где играет? — И, видя непонимание со стороны начальника команды, уточнил: — Вот этот... С голым торсом... У машины.

Начальник чуть сконфуженно разъяснил:

— Так это, Константин Иванович, Толя Волосов... Он у нас в клубе экономикой занимается. Вот...

— Экономикой? Жаль. Хорошая заготовка для защитника пропадает. Фактурный у нас экономист...

* * *

Бескова часто упрекали в диктаторстве, в резкости, в излишней строгости к футболистам. Упрекая, не понимали, что это диктат творца. Творчество было присуще Бескову в высшей степени, отсюда его величие, его класс, отсюда — его высокое место в футбольной истории. Бесков, между прочим, личным примером доказывал, что не все в футболе определяется результатом. Киевская машина выиграла больше медалей, чем спартаковский ансамбль. Но мы-то, помня команды Лобановского, вздыхаем о командах Бескова... «Торпедо» шестидесятых, в котором есть и его, бесковская рука, разве много выиграло? Только два золота. А игра торпедовская — эталон...

Бесков был в нашем футболе не тренером, он был режиссером. А потому был и футбольный театр Бескова, были актеры, которых он нашел, собрал, объединил, сделал звездами.

* * *

Подкупало его умение одеваться, выглядеть... К внешним атрибутам он относился с большим вниманием. Хорошо подобранная одежда, прическа, уверенность, с которой он держался на людях, отмечались не раз и не два. К Бескову не стоило подходить с глупым вопросом — отбрил бы без раздумий. К Бескову журналисту надо было готовиться тщательно, фамильярности он не допускал. Это сегодня тренеры готовы слушать любые каверзы на тему «как дела?». Бесков показал бы халтурщикам на дверь незамедлительно.

...Однажды вошли они в динамовский буфет вдвоем: Бесков и Владимир Федотов. В динамовский буфет для прессы посторонних тогда не пускали. Федотова кто-то окликнул, он отошел, и Константин Иванович остался один посередь зала. Пару секунд он стоял один и весело оглядывал столы, а потом к нему со всех сторон пошли, потянулись люди... Словно он поманил их чем-то... Ветераны здоровались с ним, но дышать старались в сторонку. Привыч-

ка? Потом подтвердили — привычка! Бесков же... Не забалуешь... Как будто и не прошло десятилетий, как будто они все вновь под его началом. Некоторые, мне показалось, даже втянули животы, расправили плечи...

Картина! Он пробыл недолго. Он вышел, улыбаясь. Неприметно кивнул мне, мол, как же... помню... Приятно было, чего скрывать?

* * *

Я много думал о нем, смотрел на него, по филатовской установке — издали, а в пору редких с ним встреч успевал запомнить ощущение важности, избранности. Ему не надо было казаться простым, он им никогда не был, ему важно было оставаться самим собой, и он, мне кажется, отлично понимал это. Он понимал свою значимость, он соответствовал ей, он не казался — он был значительным.

Его недруги, их было немало, в конечном счете меняли претензии на уважение. Один спартаковский болельщик признавался: «Ну, не люблю я Константина Ивановича... Что поделать? Ему от моей нелюбви ни горячо, ни холодно. Но вот уважаю его за то, что до него мы у «Торпедо» десять лет не могли выиграть, а с ним десять лет не проигрывали!»

Поди попробуй теперь заслужить такую нелюбовь у болельщика...

Между делом я расспрашивал Мудрика, Маслова, Гаврилова, Хидиятуллина, Добровольского, да многих — не осталось ли обиды у кого из них на Константина Ивановича? Мало ли? И все, будто сговорившись, вспоминали свои ошибки, промахи, понимали его из сегодняшнего дня, каялись, хотя отлично знали, что разговор — так, не для прессы. Говорили, что на его месте сами поступили бы так же.

* * *

Больше всего нашему футболу не хватает идей. Интеллекта. Преданности этим идеям. Константин Иванович Бесков потому и называл сегодняшний футбол каким-то ненастоящим. Любопытно, что Йоханн Круифф тоже поругивает современный футбол за идейную пустоту.

... Знаю, не все согласятся, но для меня Бесков был и остается победителем. Такое было тогда поколение – готовое побеждать.



Бесков Константин Иванович родился 18.11.1920 в Москве. Центральный и левый полусредний нападающий. Тренер. Заслуженный мастер спорта СССР, 1948 год. Заслуженный тренер СССР, 1968 год. Начал играть в 1935-м в Москве в юношеской команде Таганского ПКиО, одновременно в клубной команде завода имени Н.С. Хрущева, затем в клубной команде завода «Серп и Молот» – 1937 год. В «Металлурге» – 1938–1940, «Динамо» – 1941–1954 (обе – Москва). В чемпионатах СССР провел 231 матч, забил 104 гола. Чемпион СССР (1945, 1949). Обладатель Кубка СССР (1953). Участник и

один из героев триумфальных поездок «Динамо» М в Великобританию (1945) и Скандинавию (1947). Капитан команды «Динамо» – 1950–1951. Выдающийся мастер современного футбола. Один из лучших футболистов послевоенной поры. Игрок исключительного комбинационного дарования. Умел остро и результативно сыграть в завершении атаки. Владел поставленным ударом с обеих ног. Главный тренер «Торпедо» М (1956), ЦСКА – 1961–1962, «Зари» (Луганск) – 1965, «Локомотива» – 1966, «Динамо» – 1967–1972, 1994–1995, «Спартака» – 1977–1988, «Асмарала» – 1991–1992. Тренер и главный тренер сборной СССР – 1963–1964, 1974, 1979–1982, олимпийской сборной – 1970, 1975, 1980. Старший тренер ФШМ – 1957–1960.

Под руководством Бескова «Спартак» стал чемпионом СССР – 1979, 1987, вторым призером – 1980, 1981, 1983, 1984, 1985, третьим призером – 1982, 1986. «Динамо»М было вторым призером чемпионата СССР – 1967 и 1970, вторым призером чемпионата России – 1994 и обладателем кубка России – 1995. Под началом Бескова сборная СССР стала вторым призером Кубка Европы – 1964, олимпийская сборная – третьим призером финального турнира ОИ – 1980. В Кубке обладателей Кубков «Динамо» М первой из наших команд вышла в финал в 1972 году.

Награжден орденом Ленина, орденами «Знак Почета» (дважды), Дружбы народов, Отечественной войны, «За заслуги перед Отечеством». Лауреат премии «Стрелец» (за вклад в развитие отечественного футбола). Автор книг – «Игра нападающего», «Моя жизнь в футболе».

Он так любил жизнь...

Таких слов, как «гений», «мастер», «король», она не употребляла. И соответствующих эпитетов тоже. Могла бы? Наверное. Валентина Ивановна Федотова рассказывала о муже, словно и не было повсеместно утвержденным признаний его избранности, долгих лет ее одиночества, словно совсем уже скоро, вот-вот, он вернется с работы и поспеет к ужину. Она рассказывала о прошлом так, как это сделала бы любая женщина, счастье которой осталось там, в том самом прошлом, завешанном для нас мифами и легендами книжных полуправд. Она и по сей день жила в нем и не скрывала этого. Могло ли быть по-другому?

Расшифровывая свои записи, сделанные в тени их с Григорием Ивановичем дворника «генеральского дома», я уже не сомневался: иначе быть не могло. Они были счастливы, и любовь всей страны к Федотову-футболисту не смогла помешать, разбавить, подавить их любовь друг к другу. Так получилось, что Валентина Ивановна рассказывала о любви... Как жаль, что дополнить ее рассказ было некому...

У САМОВАРА Я И МОЯ МАША

— Пойдите, в каком это классе я училась тогда? 1936 год... Ну конечно, в восьмом. Между прочим, в Ногинске, откуда мы с Гришей родом, спортом тогда вся молодежь увлекалась. Вот как-то после легкоатлетических соревнований (а я хорошо тогда выступила, несколько первых мест взяла) собираюсь домой и слышу: музыка в школе играет. Петр Лещенко поет: «У самовара я и моя Маша...» Поднялась в зал, народу полно, вдруг подходит ко мне молодой человек, предлагает присесть на его место. Застенчиво так. Ну, конечно, тут же, на вечере, подружки мне все о нем рассказали.

Григорий Федотов, здешний, уже известный футболист. И пластинки, кстати сказать, его были. А он подошел и вежливо попросил разрешения проводить меня до дома. Вот так мы с ним познакомились. Он тогда за «Металлург» выступал и после каждой игры приезжал на свидание. Потом мне Борис Андреевич Аркадьев, смеясь, рассказывал: «Ну, Валя, бывало, после игры Федотова не найдешь. Только с поля ушли, все еще водичку пьют, синяки рассматривают, а Гриши след простыл. Я брови хмурил и вопрошал у ребят: «Что, опять убежал к своей «школке»?!»

Помню, приезжает однажды расстроенный: «Валя, меня в армию призывают, Аркадьев в ЦДКА зовет». Очень ему не хотелось из команды уходить, ребята, говорит, такие хорошие. Но это был его первый и последний переход, а ведь кто только не звал...

ЗВОНОК В ДВЕРЬ

Собирались мы с ним хорошо провести отпуск, к морю поехали. Трудный был год — 1952-й, разогнали ЦДСА, ходили слухи о возможных арестах известных спортсменов. Гриша уже не играл, определенного положения не имел. Кажется, вторым тренером его хотели назначить, не помню точно. Настроение, словом, не из лучших. Он все происходящее близко к сердцу принимал, не мог иначе, и вот однажды — звонок в дверь. Чужой звонок. Открываю: двое в штатском стоят. «Собирайтесь. Вещи не берите. Да, вдвоем». Какие там вопросы в то время?

Сажают в самолет, летим в Москву. На аэродроме ждал нас черный автомобиль... И оказались мы вскоре прямехонько перед очами Василия Сталина. Стол накрыт, и пошли уговоры — перейти Грише в ВВС старшим тренером. А он улучил минутку и шепчет мне: «Будут чего предлагать — не соглашайся!» И точно, отзывает меня Сталин в сторонку. «Валя, — говорит, — я вам свою дачу подарю, поспособствуй». Вот ведь когда время шло незаметно: то ли бежало, то ли едва плелось. А Гриша ни в какую. А ведь кто только тогда в ВВС не перешел... Последнюю фразу Василия до сих пор пом-

ню от слова до слова. Слушал он, слушал, молчал, а потом как жахнет кулаком по столу: «Ну, ступай, черт! Если бы я тебя так не любил, как безумно люблю... Езжайте отдыхать, а передумаешь — позвони, слышишь? Дача — твоя».

МЫ С ТОБОЙ И ТАК ПРОЖИВЕМ

Не выносил он подарков с чужого стола. И щепетильность эта с ним от рождения. Бывало много раз, перед очередным приемом после победы в чемпионате или Кубке, подбежит, улыбнется и скажет тихонько: «Валечка, будут они разное предлагать. Не бери ничего. Мы с тобой и так проживем. Ладно?» А когда стали у всех после смерти Сталина подарки отбирать, Гриша смеялся: «Вот видишь, а у нас и взять-то нечего». Бессребреник был, даже популярности своей стеснялся. Всегда, помню, идет, голову в плечи втянет, лицо к земле опустит, ворот пиджака поднимет, шапки-невидимки только и недостает. Стеснялся известности. «Боже сохрани, Валя, чтобы тебе, как жене Федотова, какие-то привилегии... В магазине там или еще где...» Кто мне только не советовал — копить, откладывать, отложить на потом, не могло этого получиться. Мы с ним иначе жили, не загадывая и не откладывая, может, потому, что очень любили друг друга, не ссорились никогда. За 17 лет — ни разу.

РУССКИЙ ИВАНУШКА

Запомнилось мне то выражение французской прессы. (Именно так считала Валентина Ивановна — «французской прессы». В действительности это слова Льва Ивановича Филатова, недавно ушедшего от нас патриарха отечественной футбольной журналистики. — П.В.). Подходит к нему очень. Ведь Гриша, как на поле, так и в жизни, совершенно не умел отмахнуться, огрызнуться в ответ, словно и не знал вовсе, что такое злоба. Переживал все глубоко в себе, вида не показывал, что больно. Вы про его руку знаете?.. При-

вез он меня в Москву после эвакуации, открывает замок квартирный, толкает дверь рукой, а сам морщится от боли. И во сне она у него часто болела. А случилось это еще до войны. Он шел на верховой мяч, поданный с угла, прыгнул, а защитник схватил его за кисть и резко вниз дернул. Унесли Гришу с поля, а того костолома судить хотели. Но Гриша против был, мол, не хулиганство это, так, в горячке игры. А руку так и не смогли толком вылечить. Про ноги я уж не говорю, на них живого места не было.

...После очередной игры ребята часто у нас собирались. Обсуждали матч, ужинали. Валя Николаев в кухню зайдет, спросит: «Что, Валя, неужели все съели? Ну, поджарь нам тогда яичницу из двадцати яиц. Глазунью, а?» Жарю и слышу, кто-то Гришу спрашивает: чего он в таком-то моменте сам-то не забил, зачем уступил другому? «Да молодой же он, ему этот гол нужнее», — сколько раз я такой ответ слышала.

Вообще он в компании особой разговорчивостью не отличался, но если говорил, то все сами собой замолкали. Хорошая та команда была, да и в целом умели тогда люди дружить... Брат мой, Георгий Жарков, популярный торпедовский игрок, в Грише души не чаял, хотя вначале, должна признаться, был против нашего брака, считал, что мы очень разные. Средний брат мой, Василий, Гришу просто боготворил. Сейчас эти слова вышли из употребления, да? Но так было, именно так, а не иначе. Василия, кстати, все звали «майором». Знаете, почему? Он, проходя службу в армии, одно время был на сборах вместе с армейскими футболистами. И вот, сидя на лавочке после тренировки, видят ребята незнакомого старшину. Тот с деловым видом спрашивает: кто, мол, тут у вас старший? А Григорий Иванович вполне серьезно на Васю показывает и говорит: «Вот — товарищ майор». Старшина, конечно, навтыяжку, ребята — в смех.

Помню, Вася однажды забил ЦДКА прямо с углового. С тех пор Гриша над ним частенько подтрунивал: «Василий! Слышишь, майор? Я тебе тысячу раз мячик на корнер поставлю, ни разу в ворота не попадешь». Сколько раз «Торпедо» с ЦДКА играли, Жарковы

выходили против Федотова, но разве мог кто-то помыслить о договорной игре?! Разве мы знали, что придет время и люди опустятся до такой низости?

СМЕРТЬ

Из Тбилиси его привезли Старостины. Команда была за границей, а его не взяли, ходили слухи, что собираются снять с должности второго тренера. А в Тбилиси направили молодых игроков посмотреть. Вошел он – и в ванную, всегда после любой поездки так поступал, за чистотой, здоровьем следил очень тщательно. Даже мнителен был, чуть холодный ветер подует, тут же шарф ищет горло укутать. Раздевается, а сам в зеркало смотрит.

Вижу – бледнеет на глазах. Как снег белый стоит. Я собралась за аллохолом сбегать (у него часто в те годы печень болела), а он взмолился: не уходи! И врача запретил вызывать.

Я потихоньку к соседке – «Скорую» вызвала, сына Володьку (ему 14 было) в аптеку отправила, грелку приготовила. Мы все тогда вирусным гриппом переболели, а Гриша за нами ухаживал. Ну, думаю, теперь у него началось. А у него ноги холодные, пот выступил. «Скорой» в помине нет. Побежала я врача по дому искать, потом шприц, лекарства. Пришла, а он не дышит уже. Потом кто только не приходил, да ни к чему было. В истерике только и запомнила слова кого-то из армейских начальников: «Эх, Валентина Ивановна, не знаете вы, сколько интриг в последнее время вокруг Гриши плелось. Берег он вас, не говорил...»

Не могла поверить, что он умер. Приехал, вошел в дверь и умер. Потом уже вызывал меня Гречко, официальный диагноз показывал, говорил, что одно легкое у Гриши совсем оторвалось...

Я знала только, как ему в последнее время было плохо. Так и стоит перед глазами: смотрит он в газету, будто читает, а она вверх ногами раскрыта. И накануне сон мне приснился. Вхожу я в бассейн и вижу – на дне мужчина лежит. А рубашка на нем Гришина, новая.

Он так просил меня не уходить, просил, пока говорить мог.

* * *

Однажды самолет с футболистами ЦДКА вдруг потерял управление, возникла угроза катастрофы. Григорий Федотов достал из кармана пиджака ручку, вырвал из блокнота лист бумаги и торопливо начал писать ей прощальное письмо. Потом этот случай вспоминали с улыбкой, как с улыбкой вспоминали неожиданно произнесенное (после четырех лет знакомства) и немедленно принятое приглашение в загс, как тепло вспоминали первое свое жилье на улице Машиностроения, полученное с легкой руки самого Лихачева, как вообще вспоминается счастливое молодое прошлое.

Прикоснувшись к нему, я узнал о жизни чуть больше, чем знал ранее. И фотография из семейного альбома Федотовых кажется мне удивительно знакомой, близкой.

Федотов Григорий Иванович родился 29.03.1916 в поселке Глухов Богородского района Московской губернии. Центральный и левый нападающий. В 1938–1949 годах выступал за ЦДКА. Первым в отечественном футболе забил более ста голов – 163. Трехкратный чемпион СССР. Вошел в символическую сборную СССР за 50 лет. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. В «Клуб Г. Федотова» включаются футболисты, забившие более ста мячей. Выдающийся мастер, самородок отечественного футбола.



Один из нас

Цепкая детская память сохранила картинку: мы смотрим футбол с «Динамо». Старенькая «Нева» еще показывает, но звука уже нет, мы именно смотрим, смотрим и молчим, болея за тех, кто играет в темном — на самом деле в синем, но тогда телевизор представлял синее темным, — мы молча бодем за тех, кто играет в темном с белой буквой «Д» на груди.

Лишь в последние пятнадцать минут матча нарушается тишина дома. Дядя берет с полки новенький приемник «Гиалу» и включает «Маяк». Радиокомментатор, торопясь, захлебываясь, частя, излагает фрагменты встречи, которую мы смотрим. Ему надо успеть к настоящему, происходящему на поле теперь, надо изложить главное из того, что прошло, и успеть «передать микрофон» в Тбилиси, Киев, Ташкент и вернуться вновь на «Динамо» — и все это не раздражает, а, наоборот, веселит, включает в радостную атмосферу футбольного праздника и разбавляет такую трудную, долгую для меня тишину торжественным восклицательным повтором: «Яшин! Яшин!! Яшин!!!»

Дядя закуривает извечную «беломорину», не спеша выдыхает синее облачко в сторону окна и тихо говорит пронзительному комментатору: «Ну... Лева есть Лева...»

И мы, я уверен, все соглашаемся, соглашаемся молча: «Лева есть Лева. О чем уж тут говорить... кричать — тем более».

Но комментатор не слышит, он продолжает репортаж, он продолжает расставлять восклицательные знаки: «Яшин! Яшин!! Яшин!!!»

Я запомнил тогда, что все, абсолютно все в нашей большой семье, относятся к Яшину одинаково. К Яшину относятся так, словно и сам он — один из нас, один из тех, кто не живет в этом старень-

СОДЕРЖАНИЕ

ЯКУШИН. МОЗАИКА	5
ПОБЕДИТЕЛЬ	15
ОН ТАК ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ...	22
ОДИН ИЗ НАС	28
ПОД ЗНАКОМ СТРЕЛЬЦА	36
КОЗЬМИЧ	73
«ТОРПЕДО», КОТОРОЕ МЫ ПОТЕРЯЛИ	79
ОНИ БЫЛИ ГЛАВНЫМИ	87
ИДЕАЛИСТ ПАПАЕВ	101
Я БЫЛ... ВАДИМОМ НИКОНОВЫМ	110
ПАЛЫЧ	119
ЦЕХОВОЙ МАСТЕР	128
НЕЗАВИСИМАЯ ЭКСПЕРТИЗА	138
СЕМЬ БЕД ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФУТБОЛА	145
ПРАВИЛА ИГРЫ ВЯЧЕСЛАВА КОЛОСКОВА	153
ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ	159
ГАЗЗАЕВ И ЧУДЕСА	166
ЛАВОЧКА БУЛГАКОВА	171
ПОСЛЕДНИЙ КУМИР	180
МОЙ ДРУГ ЮРИЙ ИВАНОВИЧ	191
ЧЕЛОВЕК ИЗ ВЧЕРА	230
ЮБИЛЕЙНЫЙ ОФСАЙД	245